

приведших к созданию новых отраслей и разделов науки, возникновение которых было бы невозможно без папирусов, например античной дипломатики, античной палеографии и других. К этому следует добавить, что, хотя папирология возникла в качестве научной дисциплины позднее, чем другие вспомогательные исторические дисциплины античности, а может быть, именно потому, она сумела выработать такую стройную и строгую систему научно-методических средств исследования, обзавестись таким количеством справочных и вспомогательных изданий, что в настоящее время ее справедливо считают самой организованной из антиковедных наук.³¹

А. Б. ГАВРИЛОВ

О ТЕХНИКЕ ЧТЕНИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ *

У историков античной культуры постепенно сложилось мнение, будто греки и римляне читали только вслух, а про себя не читали, то ли оттого, что были не способны к этому, то ли потому, что не испытывали в этом потребности. Автор вводного раздела новейшей кембриджской истории римской литературы формулирует возобладавшее мнение следующим образом: «В целом может считаться доказанным, что в течение всей античности книги писались в расчете на то, что их будут читать вслух, а также на то, что даже индивидуальное чтение (*private reading*) часто имело некоторые черты респонсивной декламации».¹ Представление о древних, читающих только вслух, можно встретить и в немецких работах, например в справочнике² 30-х гг. XX в. или в недавней книжке из серии введений для тех, кто приступает к профессиональному изучению античности.³

³¹ Подробнее см.: Фихман Н. Ф. Введение и документальную папирологию. С. 89—141. — Показательно в этом отношении высказывание С. Дювалона (но папиролога, а египтолога): «Папирология — это своего рода грань адмысля классического исследования: она стремится к совершенству метода, который и том, что касается системы транскрипции, способа издания текстов, формирования технического языка, критериев и совершенства указателей, организации публикационной деятельности, точности инструментального аппарата (словарей, библиографий, парадигматических хрестоматий, грамматик, уточнений и исправлений), представляет, по моему мнению, недостижимый образец» (*Daoudon S. Egittologia e papirologia // Egitto e Società antica. Milano, 1985. P. 124*).

* Автор признателен А. И. Зайцеву за критическое внимание к этой работе, в которой используется ряд разработанных им положений и приемов.

¹ Kenney E. J. *Cambridge History of Classical Literature. Vol. 2. Cambridge, 1982. P. 12*. — Тот же автор настаивает на этих представлениях и рецензии, помещенной в изд.: *American Journal of Philology. 1985. Vol. 106. P. 126*.

² *Wörterbuch der Antike mit Berücksichtigung ihres Fortwirkens. Hrgg. von H. Lamer. Leipzig, 1935. S. 377 f.* («А тот, кто читал сам, читал вслух, как и писал вслух. Молчаливое чтение и письмо упоминаются иногда, оставаясь, однако, исключением»).

³ *Etaenhut W. Einführung in die antike Rhetorik und ihre Geschichte. Darmstadt, 1977. S. 93*.

Наиболее подробно это мнение было обосновано И. Балогом.⁴ Привлекая множество мест из античных, а также поздних христианских авторов, венгерский ученый пытался доказать, что чтение и практиковалось, и мыслилось древними (да и потом, едва ли не до XVII в.) почти исключительно как чтение вслух, даже если человек читал в уединении, а редчайшие случаи, когда кто-нибудь читал молча, неизбежно повергали наблюдателей в замешательство, так что они будто бы всегда старались найти причину столь странного поведения.

Нередко источником этого мнения называют известный труд Э. Нордена по истории античной художественной прозы.⁵ Материал и соображения выдающегося историка античной литературы безусловно сыграли значительную роль, однако сама мысль восходит не к нему. Минувя посредствующие звенья,⁶ напомним, что утверждение в духе занимающего нас тезиса встречается уже в XVIII в. у М. Виланда.⁷ Уже у него положение о том, что древние читали только вслух, увязано с афоническими качествами как античных стихов, так и прозы. Таким образом, Э. Норден лишь укрепил старую историко-литературную конструкцию. Что касается И. Балогом, то в нем сказалась, по-видимому, тяга к такому историку, который выявлял бы разительное своеобразие различных культур.

Представление о древних, читающих только вслух, укрепилось и у нас,⁸ а главное вошло в кажущуюся довольно прочной конструкцию из фактов, толкований, оценок.

В особенно широкий контекст попадает «громкое чтение» у Э. Хэвелока, создавшего целую концепцию «устной культуры», будто бы преобладавшей в Афинах едва ли не до начала или даже середины IV в. до н. э.⁹

Пока тезис о том, что молчаливое чтение в древности по тем или иным причинам не практиковалось, распространялся все шире, Б. Нокс энергично возражал против восторженной аргументации И. Балогом.¹⁰ Что касается основного тезиса, то Нокс видоизменяет

⁴ Balogh J. Voces paginarum // Philologus. 1927. Bd 82. S. 84—109, 202—240.

⁵ Norden E. Die antike Kunstprosa. Leipzig; Berlin, 1923⁴. Bd I. S. 6. Nachträge (Bd I). S. 1—3; cf.: Bd II. S. 956.

⁶ Мнение Фр. Ницше (*Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse*. Leipzig, 1899. S. 215—126) могло повлиять впоследствии на многих. Л. Радермахер, комментируя в этом духе ст. 53 «Лягушка» Аристофана (*Rademacher L. Aristophanes. Frösche. Einleitung: Text und Kommentar*. Graz; Wien; Köln, 1967³. S. 150), опирается на статью С. Зудхауса (*Sudhaus S. Lautes und leises Beten // Archiv für Religionswissenschaft*. Leipzig, 1906. Bd 9. S. 185—200).

⁷ Balogh J. Voces paginarum. S. 84—85.

⁸ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 183 и след. — У переводчиков, в разное время комментировавших русские переводы Геллодора, Августина, Овидия, то же самое положение использовано многократно.

⁹ Havelock E. A. The Literate Revolution in Greece and Its Cultural Consequences. Princeton, 1982. — Об идеях этого исследователя судим по его прежним работам, а также по рецензии (отрицательной) А. Ямаи. См. пад.: *Rivista di Filologia e di Istruzione classica*. 1984. Vol. 112. P. 438—440.

¹⁰ Knox B. M. W. Silent Reading in Antiquity // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1968. Vol. IX. P. 421 ff.

его следующим образом: чтение про себя было известно древности уже в весьма раннюю пору, однако оно долго оставалось большой редкостью; любовь к звучащему слову побуждала людей обыкновенно читать вслух, особенно если они имели дело с произведениями изящной литературы.

Как часто бывает, скептические ограничения и осторожные формулировки Б. Нокса остались менее известны, чем яркий тезис И. Балоба. Нам известно лишь одно исключение: В. Реалер не только оценил доводы Б. Нокса, но и указал на материал наук, методически исследующих процесс чтения и его формы.¹¹ Эта, казалось бы, простая мысль, чрезвычайно продуктивна. Специальная литература о чтении весьма обширна, так как проблемами чтения стали заниматься систематически с середины прошлого века, привлекая к исследованию как наблюдения, так и анкетирование и эксперимент. Неудивительно, что научно установлен ряд существенных положений. Например, можно было ожидать, что в культурах, пользующихся различными системами письма, имеются заметные различия в скорости чтения; выяснилось, однако, что различия оказались скорее цели, установки и привычки читателей.¹² Касательно чтения про себя подтвердилось, что «чтецы повсюду читают молча быстрее, чем вслух, и что процессы, происходящие при обоих типах чтения, повсюду различаются сходным образом».¹³

Психологические и физиологические основы чтения хорошо изучены.¹⁴ Молчаливое чтение появляется через некоторое время после освоения чтения вслух, отчасти сохраняя присущие неопытному чтецу недостатки и на первых порах даже усиливая их. В целом техника чтения про себя складывается у нормально развитых детей в младшем школьном возрасте, притом по преимуществу автоматически. Большая по сравнению с чтением вслух сложность процесса чтения про себя, а также и его удобство происходят от того, что вместо трех компонентов (зрение, голос, понимание) на первом плане остаются только два — начальный и конечный. Процессы взаимосвязаны, и стихийное стремление чтеца перейти к чтению про себя свидетельствует о «нарастающей чувствительности зависимости процесса восприятия текста от смысла читаемого».¹⁵

¹¹ *Rüsler W.* Die Entdeckung der Fiktionalität // *Poetica*. 1980. Bd XII. N. 3—4. S. 316. Anm. 92. — Автор (как нам думается, адвано) находит, что «от представления о простирающемся на долгие часы, а то и на целый день чтении вслух веет чем-то абсурдным».

¹² *Gray W. S.* *The Teaching of Reading: An International View*. Harvard, 1957.

¹³ *Ibid.* P. 13.

¹⁴ За консультации по психофизиологическим аспектам чтения мы признательны нескольким специалистам и в особенности проф. Н. Н. Трауготт, располагающей богатейшим материалом по патологии чтения. Не возлагая на Н. Н. Трауготт ответственности за наши суждения, мы с благодарностью свидетельствуем, что последние были углублены в беседах с ней.

¹⁵ *Егоров Т. Г.* Очерки психологии обучения детей чтению. М. 1953. С. 2. — Специфике чтения про себя посвящена учитываемая нами работа: *Anderson G. L.* *La lecture silencieuse*. Thèse. Université de Genève. Neuchâtel, 1929 (в особенности с. 12 и 35).

В согласии с этим принято говорить о трех ступенях освоения чтения: ¹⁶ 1) чтение вслух; 2) так называемая субвокализация (движение губ, языка и гортани без произнесения звука); 3) зрительно-интеллектуальный процесс, позволяющий шаринговать темы чтения, которое и в абсолютном смысле становится быстрее, не говоря о возможности пропускать часть текста по желанию. Большая скорость молчаливого чтения небезразлична, тем более что, как показано, корреляция скорости чтения и усвоения прочитанного не только существует, но еще в целом и положительна.¹⁷ Что касается ризительных недостатков чтения (дислексии, паралексии и др.), то в пособиях по патологии речи ¹⁸ не встречаем указаний на неспособность людей, нормально читающих вслух, научиться читать про себя. Другое дело, если имеет место «неполноценность языкового развития», тогда обучение чтению затруднено, но при этом затрагиваются сразу все разновидности чтения.¹⁹ Известная автономность чтения вслух и чтения про себя изредка наблюдается при патологии. Бывает, например, так, что больной, сохраняющий способность читать про себя, не способен прочесть вслух находящийся перед его глазами отдельный слог (указание Н. Н. Трауготт).

Чтение про себя само имеет ряд типов, и опытного чтеца отличает умение легко переключаться с одного на другой.²⁰ Молчаливое чтение легче адаптируется к различным внешним или внутренним условиям.²¹ Иначе говоря, чтение про себя является в некотором смысле высшим видом чтения, так что отсутствие этого навыка безусловно обедняло бы ту культуру, где это отсутствие можно было бы основательно констатировать.²² Тем осторожнее следует быть в этом пункте. К тому же надо понимать, что в норме оба вида чтения всегда тесно связаны, даже переплетены один с другим, так что самая их альтернативность не должна абсолютироваться.

Так, нетрудно доказать, что чтение вслух сколько-нибудь опытного чтеца, а тем более людей, которым поручается публичное оглашение или артистическое исполнение текстов, представленных им в письменной форме, не только предполагает навык чтения про себя, но и включает последнее как необходимый элемент.

В самом деле, не будем упускать из виду, что психологи изучают и даже измеряют так называемый «объем глаза-голоса». Этот показатель, который в богато разработанной американской эксперименталь-

¹⁶ Gibson E. J., Levin H. The Psychology of Reading. Cambridge (Mass.); London, 1978. P. 340—351. — Приводим по работе: Rasler W. Die Entdeckung. . . S. 316.

¹⁷ Jorgenson A. N. Iowa silent reading examinations // University of Iowa Studies in Education, 1927. Vol. IV, n. 3.

¹⁸ Handbook of Speech Pathology / Ed. by L. E. Travis. New-York, 1955.

¹⁹ Аснина Р. Е. Недостатки чтения и письма у детей. М., 1940. С. 57 и след.

²⁰ Шаарф Л. М. Психология навыка чтения. М., 1941. С. 84—90.

²¹ Там же. С. 65—79.

²² Схожиесть этого есть у П. Балота (Voces raginatum, S. 108), когда он говорит, что в монастырских скрипториях будто бы впервые было открыто, что чтение вслух скорее мешает, чем помогает пониманию.

дой психологии чтения был назван 'eye-voice-span', весьма различен у разных читателей. Очевидно, что развитой «объем глаза-голоса» совершенно необходим читателю, который способен даже и в совершенно незнакомом тексте правильно воспроизводить ритмико-интонационный рисунок оглашаемой им части фразы, хотя характер этого рисунка определяется вполне лишь с учетом последующей части фразы, а то и периода или абзаца. Иначе говоря, читая вслух, читатель успеваеет выборочно читать про себя последующий текст, и чем опытнее читатель, тем легче и надежнее он это делает. Вот почему не только способность к чтению про себя, но и развитой навык такого чтения вполне необходимы и для полноценного чтения вслух, а следовательно, нужны даже и в тех культурах, в которых при наличии письменности высоко ценится известное ознакомление с литературными и деловыми текстами.

Таким образом, если древние не приходили к чтению про себя автоматически, или, время от времени приходя к чтению про себя, не умели ценить его преимуществ, или, наконец, знали способ, как искусственно подавлять в себе эту способность, то перед нами действительно примечательнейший антропологический феномен. Мы увидим, однако, что такую особенность никак нельзя было бы связывать с какой бы то ни было словесной одаренностью, а следовательно, и с литературными достижениями древних.²³ Если бы древние не читали про себя, это была бы не любовь к устному слову и к благозвучию речи, а выраженная ущербность их психики.

Не имея возможности по условиям места рассмотреть здесь весьма длинный и пестрый набор свидетельств из древних авторов и осветить занимающую нас проблему с возможной полнотой, мы беремся показать в настоящей работе, на какого рода толкованиях основан тезис о неупотребительности чтения про себя и как можно в принципе доказать противное.

Обратимся прежде всего к пассажиру из «Исповеди» Августина, раз уж даже Б. Нокс, оспаривающий доказательную силу большей части мест, собранных И. Балогом, признает в этом пассаже не только свидетельство № 1 в коллекции примеров Балого, но и содержащий критику аргумент в пользу чересчур крайней в целом позиции венгерского ученого. Действительно, если бы Августину, опытному учителю риторики в Карфагоне, Риме и с 384 г. в самом Милане, молчаливое чтение Амвросия, епископа Медиоланского, показалось чем-то необычным, то это позднейшее упоминание по праву получило бы большой вес не только для конца IV в. н. э., но и для всей римской и даже греческой древности. Ведь трудно представить себе, чтобы чтение про себя когда-то широко практиковалось, а затем, в относительно благополучные эпохи античной жизни, забылось так прочно, что литературно образованный Августин ничего бы не слышал о самой этой возможности.

²³ В своем кратком рассуждении В. Рёзлер (Die Entdeckung. . . S. 316) усмотрел этот весьма существенный оценочный элемент.

Что же рассказал Августин о чтении Амвросия? (Августин. Исповедь. Кн. IV, § 3, 3—4, 4. — Перевод наш, курсив — тоже).²⁴

«Самого Амвросия мнил я неким счастливецом века сего, раз его почитают важные персоны, и разве только безбрачье его казалось мне тяжким. А каковы его упования и какую борьбу приходится ему выдерживать против соблазнов этой самой избранности, что утешает его среди невзгод и сколь питательной радостью хлеба Твоего кормятся те его уста, что в его сердце, этого я не ведал и не умел угадать. Также и он не знал моих тревожений и забот, мне грозившей, ибо я не мог расспросить его о чем хотелось и как хотелось — вечно меня отгораживали от его слуха и уст толпы докучливых людей, нуждам которых он служил. Когда же он не с ними бывал, что случалось на краткое время, так он либо тело поддерживал необходимым тому подкреплением, либо чтением — душу. И вот, когда он читал, *глаза его двигались по строчкам, сердце откапывало смысл, но голос и язык оставались в покое*. Нередко мы бывали тут же — никому войти не возбранялось, как и не запрещено было объявлять ему о приходе, — и смотрели, как он *молча читает*, и всегда так. Просидев долго *в тишине* (осмелившись ли досаждать тому, кто столь поглощен?), мы уходили, догадываясь, что по малости времени, добытого им для уместенного досуга, он отдыхает от треска чужих забот и не желает, чтобы его еще как-нибудь отвлекали. Возможно, он и того остерегался, как бы не пришлось ему, если читаемый автор ненароком выразился несколько темно, разъяснить это предлинному и настойчивому слушателю, а то еще, пускаясь в рассуждения о запутанных каких-нибудь вопросах, тратить на это столько времени, что уж не удастся прочесть столько книг, сколько ему бы хотелось. А, впрочем, он, статья может, оттого *молча читал*, что ему приходилось беречь голос, очень легко у него слабеющий. Словом, на каком бы основании он ни делал это, добро было основание у сего мужа.

№ 4, 4. Теперь ясно, что не удавалось мне вволю расспросить его о том, о чем я жаждал сведать от святого оракула его души, или разве что очень кратко. А в моих тревожествах мне так было необходимо, чтобы располагал досугом тот, от кого могли б они улечься, этого-то и не получалось никак».

Сторонники идеи неизвестности древним или исключительности у них молчаливого чтения выводят отсюда прежде всего, что Августин в покоях Амвросия впервые наблюдает чтение про себя; если бы оно было чем-то обычным, зачем бы стал он подробно описывать, как Амвросий читал молча, и при этом дважды повторять свое *tacite*, приводя сопутствующие внешние признаки: «... глаза его двигались по строчкам... но голос и язык оставались в покое». Если бы явление это было привычно, зачем бы Августин, рассуждают далее,²⁵

²⁴ S. Aurelij Augustini Confessionum Libri tredecim / Ex recensione P. Knöll. Lipsiae, 1909. — Отметим, что каких-либо текстологических трудностей применительно к интересующим нас обстоятельствам нет — текст надежен.

²⁵ Воспроизводим традиционные соображения, отчетливо сформулированные С. П. Муравьевым в письме к автору (1983 г.)

стал искать ему объяснение, даже несколько объяснений (избегание вопросов со стороны слушателей, оберегание своего голоса, потребность прочесть больше)? Если же дело только в том, чтобы объяснить, как вышло, что Августин не имел возможности подступиться к Амвросию, почему недостаточно было сказать, что Амврозий занят либо людьми, либо собственными делами? А потому ясно, что описанная Августинем сцена представляет собой отступление, вызванное необыкновенностью зрелища.

На наш взгляд, такое истолкование пассажа, по видимости увеличивая уникальность того, что описано Августинем, и находя в этом описании важнейшее свидетельство по истории техники чтения, но только принижает предмет повествования, но и нарушает связь мыслей, и чем странно было бы отказывать тексту Августина. «Исповедь», столь же энергично, сколь искусно написанная, — повесть о духовном становлении автора (в 387 г. Амврозий будет крестить Августина), а не *ποικιλογραφία* в духе этно- и этнологических экскурсов Геродота или парадоксографов.

В начале приведенного отрывка говорится о томлении Августина, о его надежде получить от Амвросия поддержку. И тут автор дает почувствовать, что, оказавшись рядом, старший и младший не умели тогда вполне понять друг друга. Августин тогда еще не изведal, что такое заботы пастыря; Амврозий не сознавал, какие силы таятся в молодом риторе и какую внутреннюю борьбу приходится ему выносить у порога церкви. Так неужели преградой к спасительному для Августина общению стал как раз новооткрытый, а именно молчаливый, способ чтения и только этот казус не позволил Августину принимать участие в чтениях Амвросия в любое время дня и ночи?

Прежде всего обратим внимание на то, что рассказ о молчаливом чтении не предварен каким-либо указанием на начало экскурсии и вообще слишком краток для описания уникального события. Но пусть молчаливое чтение наблюдалось впервые. Как же тогда Августин умел понять, что Амврозий, странно водящий глазами по книге, *читает*, притом читает углубленно? Кроме того, если бы Августин искал объяснение некоему чудесному феномену, читателя должен был бы удивлять весьма бытовой характер выдвигаемых им причин — оберегание Амвросием своего покоя, времени, сил. Ведь как раз в случае открытия естественно было бы указать на экстраординарные способности епископа, на другие яркие проявления их, похвалить Амвросия как первооткрывателя, восславить бога, руководившего им в этот час, и проч.

Рассказ получается более складным, вписывающимся равно в малый и большой контексты, если примем, что Августина озадачивает не сам по себе способ чтения Амвросия, а прибегание к этому способу в присутствии прихожан взамен беседы с ними по поводу читаемых — вместе и, конечно, вслух — книг. В сущности Августин не столько даже описывает необыкновение Амвросия, сколько ищет ему оправдание. И толкая досады все еще дает себя знать в «Исповедь», написанной через полтора десятилетия после того кризисного момента, о котором Августин вспоминает. Учтем и то, что чуть ниже

Августин описывает последующее свое состояние (кн. VI, § 11): «А вот и не так целою в церковных книгах то, что казалось пеленым, и можно понимать их ипаче, достойно. Стану же твердой стовою там, куда еще ребенком поставили меня родители, покуда не отыщется истина непреложная. Но где сыскать ее? Когда сыскать? Недосуг Амвросию читать,²⁶ недосуг! И где мне самые книги достать? Каким образом и когда приобрести их? У кого взять?».

Как видим, Августина интересовали не только разъяснения Амвросия, но и самые книги, которыми располагал епископ (читавший и отличное от Августина и по-гречески) и мог не располагать преподаватель риторики. Естественно, что Августин, чувствуя известное право на индивидуальный подход к себе, досадовал на Амвросия, допускавшего к тому же некоторую двойственность: не закрывая доступ в свои комнаты, находившиеся, по-видимому, при церкви, он не стал жертвовать ради посетителей домашним досугом (ср. Евангелие от Марка 6, 30—32). Острота ситуации состояла в том, что наставник по существу вынужден был продолжать свои занятия в присутствии людей, жаждущих получить его наставления, ибо без досуга для чтения он не сумел бы им же быть полезным.

Настойчивость объяснений Августина коренится, таким образом, во-первых, в парадоксальности жизненной ситуации, вполне, впрочем, характерной для отношений между наставником и учениками, и, во-вторых, в душевном складе Августина, которому понадобились время и собственный опыт, чтобы понять, как это Амвросий мог не уделить ему исключительного внимания.²⁷ Если бы Амвросий читал вслух, это было бы чтение для других, в частности для Августина; чтение про себя было — совершенно, как у нас, — чтением для себя.

Рассмотрим ради доказательства от противного и памятную для читателей «Исповедь» патетическую сцену в саду (кн. VIII, § 12, 24): «С этим решением я вернулся на то место, где сидел Алипий, — ведь это там я оставил книгу Апостола, когда неожиданно оттуда ушел. Я ее схватил, открыл и прочел в тишине ту главу, на какую прямо упали мои глаза. . . Дальше мне нечего было читать — не было нужды, потому что едва я дошел до конца предложения, а уж раздвинулся в моем сердце некий свет в покой, и рассеялся мрак сомнения».

Тогда, то ли палец заложив, то ли как-то иначе заметив, закрыл я книгу и со спокойным уже лицом указал на него Алипию. А он так указал мне на то, что в нем происходило и чего я не видел: попросил дать ему взглянуть, что я прочел. Показываю, а он смотрит далее прочитанного мною, а я и не знал, что за тем следовало. . . Он это к себе применил и открыл мне. . . Тогда идем к матушке, показываем —

²⁶ Можно сомневаться, означает ли здесь *legere* собственное чтение Амвросия или же чтение ради слушателей.

²⁷ Сам Августин объявил со временем гордость кардинальным грехом человека. См.: Green W. M. *Initium omnis peccati superbia. Augustine on pride as a first sin* // University of California Publications in Classical Philology. 1949. XIII. P. 407—432.

радуется. Рассказываем, как все произошло, — ликует и торжествует. И возблагодарила Тебя. . . ибо Ты обратил меня к себе. . .»

Как видим, тут сказано «в тишине» (*in silentio*); за некоторое время до наступления высокой минуты замолчал не только Августин, которого душили рыдания, но и Алиний. В момент, когда репалась судьба двух будущих епископов, они прибегали лишь к знакам (*indicata* повторено трижды в этом куске). Те, кто настаивает на том, что для Августина чем-то восхитительным было умение Амврозия читать про себя, *должны* сказать, что теперь, когда и Августину случилось прочесть про себя несколько слов, его потрясение и восторг происходят от той же самой причины. Такое восприятие кульминационного момента «Исповеди» вынуждало бы, пожалуй, считать основной темой этого произведения борьбу за освоение передовой техники чтения, во что как-то не хочется верить.²⁹

Поэтому нас не удивляет, что многие комментаторы Августина высказывались по-старинному кратко, в том смысле, который представляется нам единственно приемлемым.³⁰ Скорее является поучительным, что «парадоксографическое» представление о чтении только вслух, пустив корни в сфере греческих «частных древностей», сумело попасть и в некоторые комментарии к тексту Августина, к которому оно так мало подходит.³⁰

Подводя итог разбору пассажа из Августина, следует признать, что в саду, как и в доме Амврозия, имело место и описано чтение про себя, причем Августин в обоих случаях занимал различные вещи. В саду — удивительно неожиданное достижение обоими молодыми людьми своего назначения без того, чтобы было произнесено хотя бы одно слово. В комнатах епископа Медиолянского было ипосе — из-за удобства чтения про себя произошло то, что Августину пришлось довершить свое духовное становление без поддержки Амврозия. Не отрицая влияния Амврозия на себя, Августин подчеркивает таким образом свою самостоятельность.

Что касается косвенных данных о технике чтения, какие можно извлечь из разобранных выше мест «Исповеди», то они, нам кажется,

²⁹ П. Балог (*Balogh J. Voces paginae*, S. 88—89), ввиду необходимости связать оба пассажа (если первый из них описывает нечто исключительное), находит выход: в саду происходит разрыв с традицией и интериоризация как религиозности, так и чтения!

³⁰ *Sancti Augustini Confessionum libri tredecim / Hrg. und erklärt von K. von Raumer. Gütersloh, 1876. S. 126.* — Также и в старом переводе мауретов (*Les Confessions de S. Augustin / Traduction nouvelle sur l'édition latine des Pères Benedictins de la Congrégation de S. Maur. Avec des notes. Paris, 1696*) даны заголовки, которые призваны помочь следить с легкостью за ходом изложения. Интересующая нас глава (р. 24 sqq.) названа так: *Ce qui faisoit que S. Augustin avançoit peu dans la recherche de la vérité, подзаголовок: Discretion de S. Augustin.* Эти пометы кратко и точно поясняют то, что имело первостепенную важность для автора.

³¹ *Augustini Confessiones. Bekenntnisse. Lateinisch und deutsch / Eingeleitet, übersetzt und erläutert von J. Bernhart. München, 1980.* — В комментарии ad loc. (S. 870 f.) издатель поясняет: «Особняком в античной литературе стоящее место, из которого мы узнаем, что в древности обычно было читать вслух, а художественную прозу — прямо-таки декламировать» (далее приводится ссылка на известное нам высказывание Э. Нордена).

таковы: 1) само по себе чтение про себя Августина не занимает как явление, и ему, и читателю хорошо известное в повседневном быту; 2) в его рассказе об Амвросии незначай засвидетельствовано представление о большей углубленности и, по-видимому, большей скорости молчаливого чтения. Не станем отрицать, что, давая много для концепции, которую мы хотим оспорить, пассаж из Августина не так уж много дает для нас, ибо не говорит ничего определенного о технике чтения в предшествующие столетия, что для нас особенно существенно.

Разобрав хотя и не единственный, но, как часто признают, главный козырь наших оппонентов, остановимся на нескольких опорных местах на произведений греческой литературы, позволяющих, как признал Б. Нокс, говорить об известности молчаливого чтения в Греции классического времени. Наша задача в настоящем разделе — усилить аргументацию английского ученого, имея в виду изощренную неподатливость носителей противоположного мнения. О более радикальном, чем у Б. Нокса, выводе мы будем говорить в заключении.

Первые тексты, позволяющие извлечь недвусмысленные свидетельства по интересующему нас вопросу, приводит нас в аттический театр, и это не совсем случайно — драматическая форма воспроизведения жизни, предполагая сценическое воплощение, может давать особенно много для реконструкции житейских ситуаций занимающего нас типа. Сцену чтения пьесы в «Ипполите» Еврипида (428 г. до н. э.), как и сцену ознакомления с оракулами во «Всадниках» Аристофана (424 г. до н. э.), мы теперь и рассмотрим.

Взяв в руки (Hipp. 856 sqq.)²¹ запечатанные таблички, Тезей решается (864 sq.): «А ну-ка разверну перевязанное печатью и посмотрю (ἴδω), что хотят рассказать (λέγειν) мне эти таблички». Пока Тезей вчитывается в страшное письмо, Хор предается мрачным предчувствиям. И вот раздается крик Тезея (874—875, 877 sqq.): письмо Федры не с речью к нему обращается, как сам он выразился прежде, оно «воплем вопит» (βοῶ βοῶ).

Если Тезей все это время оставался на сцене, то дело ясное — он читал молча, а слова о «вопле» письма лишь подчеркивают силу удара, нанесенного ему судьбой. Так и представляют себе сценическую обстановку многие издатели, которые, отметим, не были заинтересованы в том или ином решении вопроса о молчаливом чтении.²² Тем не менее от сторонников оспариваемого нами тезиса можно услышать возражение: а не покидал ли Тезей сцену, чтобы прочесть письмо? На наш взгляд, такое предположение неправдоподобно.

²¹ Здесь и ниже места из драматических поэтов приводятся в близком к тексту прозаическом переводе.

²² Соответствующая ремарка имеется в русском переводе И. Ф. Анненского под редакцией Ф. Ф. Зелинского (Театр Еврипида. М., 1917. Т. II. С. 413); она же варьируется в других переводах. То же самое имеет в виду и У. фон Вильмюсси (*Euripides. Hippolytos. Berlin, 1891*), предваряющий ст. 874 ремаркой *herunterkommen*, поскольку катафалк Федры, как видно из замечания к ст. 851, находился на возвышении.

Во-первых, в тексте ни прямо, ни косвенно не отмечены ни предполагаемый уход Тезея, ни скорое его возвращение на сцену.

Между тем уход со сцены того или иного персонажа обыкновенно либо отмечается каким-нибудь указанием в тексте (разновидность так называемых *παρεπιγραφαί*), либо мотивируется очевидной для зрителя необходимостью выполнить те или иные действия.³³ Во-вторых, даже если Тезей может читать только вслух, зачем ему уходить от дорогих останков? Ведь огласит же он письмо и тогда, когда будет знать, что оно позорит его дом! А сперва ему ничего бояться — ничего постыдного для своего дома в письме жепы он не чает: ст. 858—863 по праву сопоставлялись с Алс. 304—310 (часть трагического поведения — *ἀγνοία* — Тезея состоит в том, что он воспринимает свою Федру так, будто она подобна Альцесте). К тому же героя окружают дружественные люди, равно что связанные клятвой до времени по выдавать Федру, о чем знает зритель, но не Тезей. В-третьих, ст. 871—873, по своей мысли и правда как будто блодные, получают драматургический смысл именно в том случае, если указывают на то, с каким напряжением Хор следит за выразительной пантомимой актера, читающего послание влюбленной кловетницы (ср. *Arsph. Ran.* 833 sqq.).³⁴

Обратим внимание на то, что Еврипид как будто настаивает на контрасте: между тем как письмо «воплем вопит» (ст. 877), новая беда такова, что ее «нельзя высказать» (ст. 875³⁵ *οὐδὲ λεχτέον*). Тезей погибает, «увидев» в письме «такую песню» (ст. 879 сл.): *οἶον οἶον εἶδον ἐν γραφαῖς μέλας | φθγγόμενον πλάτων*. Перед нами вряд ли разительная катахреза — скорее это парадоксалистский парафраз понятия «письмо», более отчетливо использованный Еврипидом в «Ифигении Таврической». Указание на немолчаливый вопль³⁶ или зримый крик письма хоть и не доказывает с несомненностью что-

³³ *Bodensteiner E.* Szenische Fragen über den Ort des Auftretens und Abgehens von Schauspielern und Chor im griechischen Drama // *Jahrbuch für classische Philologie. Supplement* 19. Leipzig, 1893. S. 637 ff. — Аристократ к этому исследованию (S. 725—808) дает удобный обзор всех выходов и уходов в сохранившихся аттических пьесах V в. до н. э.

³⁴ Сомнения в подлинности этой реплики Хора на основании схолия (*ἢ ἐπιπέσει ἢ φέρονται*, т. е. «в некоторых экземплярах этих стихов нет») неубедительны, потому что как раз предположение о впадении стихов могло навести античных критиков на мысль об их атетезе. Между тем не всякому стиху в трагедии суждено быть незабываемым, особенно в устах Хора (ср. в том же «Ипполите» ст. 364 сл. и 368). Неудивительно поэтому, что часть падателей удаляла эту реплику (Вялямовиц, Барретт), а другие ее оставляли (Наук, Марри, Зелинский). Наконец, если даже стихи эти не принадлежали бы Еврипиду, они должны в любом случае восходить к человеку театра во времена, не очень отдаленные от Еврипида.

³⁵ Также и этот стих убирал Вялямовиц, а за ним Барретт, уверяя, что перед нами дублет к ст. 846, и отказываясь верить, что за *οὐδὲ λεχτέον* может последовать *λέξου*. Между тем что же удивительного, если Хор с изысканной мотивировкой *εἰ τί ποτ' εἴποις μέλα* («если только и впрямь притянуть ни слова») может пересказать то, что хоть и совершенно неслыханным страданием, однако и может, в должно быть сказано? Ф. Ф. Зелинский (Театр Еврипида, С. 311) справедливо этот стих отстаивает.

³⁶ Если, конечно, мы не согласимся понимать *ἦν* и *μέλας* в том смысле, что Тезей, читая письмо за сценой, сам кричал, шел и т. п.

ния про себя, однако лучше всего согласуется с представлением, что письма, вообще говоря, читаются молча.

Наконец, важнее всего для доказательства нашего тезиса то, что, уступая Хору, Тезей предваряет чтение письма вслух следующими словами (ст. 882 сл.): «... не стану более (ὄχιτ') удерживать безысходно за вратами уст это страшное зло; о—о, город!». Эти слова прямо указывают на то, что сейчас письмо будет оглашено впервые. И действительно, если бы страшные слова письма были уже произнесены однажды (хоть в крик, хоть шепотом), они утрачивали бы существенную часть своего рокового значения — ведь речь идет не о бытовом фонировании, а о таком вынесении паружу богоненавистой скверны, когда слово получает характер необратимого события. Выговорить членораздельно чудовищные слова письма означает почти то же, что обратиться к Посейдону мольбу о мщения, которая следует сразу за оглашением завещания отвергнутой.

Итак, Тезей читал письмо на глазах у публики и читал его молча. Не менее выразительна сценка «Всадников» (ст. 115 сл.). Здоровый во всех отношениях Демосфен, заправский слуга Демоса, распоряжается как хочет своим сослуживцем, богобоязненным Никием, получая от последнего в руки и свиток оракулов, и чаши с вином. Демосфен: «Дави-ка поглядим, что там такое? Ну и оракул! Чашу мне, чашу подай скорое!». Никий: «Вот, вот! А что повелено в прорицании!». Демосфен: «Еще налей!». Никий: «Это в оракуле про „еще налей“?». Юмор сцены состоит в том, что Демосфен равно наслаждается и вином, и чтением увлекательного документа, а заодно, может быть, и услужливой покорностью Никия: последний среди своих хлопот и страхов слышит не то, что написано в свитке, а лишь бессвязные возгласы гурмана. То обстоятельство, что Демосфен читает про себя, не вызывает у Никия ни малейшего удивления, иначе он не преминул бы изумиться, исполошиться, позвать к богам. Из этой же сцены видно и то, что неспособное никого удивить чтение про себя ассоциируется у современников Аристофана с представлением об увлеченности предметом чтения.

В комедии Антифана «Сяифо» (ок. 360 г. до н. э.) героиня загадывает, по сообщению Афиней (X 73, 450E—451B), загадку о «некоей женской природе, в лоне которой пребывают безгласные дети; кому надо, слышит их и через море». После ложной разгадки, представляющей собой инвективу на ораторов-демагогов, в пьесе называлась настоящая разгадка — «письмо» (ἐπιστολή). Последние два trimetra разгадки предельно отчетливы в интересующем нас смысле: «... а если кто рядом стоит, когда тот (т. е. далекий адресат письма. — А. Г.) читает, так ведь не услышит жок» (ἐταρος δ' ἀν τῆς τῆς πλησίον ἔστι; ἀναγνώσκοντος οὐκ ἀκούσεται).

Материал из Антифана подтверждает то, что можно было наблюдать на примерах, приведенных выше, — о молчаливом чтении писем как о норме сказано благодаря специфической поэтике загадок с «отчуждением», но и с полной определенностью. Более того, приведенная Антифаном загадка позволяет, нам кажется, сделать важные умозаключения. В самом деле, и загадка, и фигура Сяифо, задающей

загадки, вряд ли придуманы Антифаном в IV в. до н. э. Дело даже не в том, что эротические — достаточно благопристойные в этом тексте — намеки составляют древнюю черту жанра, ибо эту черту нетрудно воспроизвести любому подражателю. Поучительнее сопоставление с уже упомянутым выше парафразом повести «письма» у Еврипида в *Hipp.* 865 и *IT* 763.³⁷ Но если Еврипид действительно вввел в своих парафразах загадку о письме, то мы получаем ее правдоподобную датировку временем не позже начала V в. до н. э. И это, конечно, очень поздний *ante quem*, так как поэтическое творчество такой загадки естественно отнести ко времени, когда сами письма и пересылка их на дальние расстояния были чем-то увлекающим воображение. Иначе говоря, загадка была скорее всего старше Саифо и восходила к VII или даже VIII вв. до н. э. Соединение двух фольклорных традиций — загадки о письме³⁸ и фигуры Саифо как загадчицы озорных иногда загадок — могло произойти позже, например в течение VI в. Так или иначе, бытование загадки о письме в связи с Саифо или без таковой связи показывает, что молчаливое чтение писем было общезвестным явлением, по-видимому, и в доклассическое время, ряд оно послужило отправной точкой для парадоксальной формулировки, попавшей в популярный жанр и бытовавшей в соответствующей среде.

Разобранных примеров достаточно, чтобы убедиться в том, что молчаливое чтение вполне обычно для весьма широких слоев свободного населения классических Афин (а по-видимому, и более раннего времени). Пример, считавшийся оплотом противоположного мнения, всего лишь свидетельствует о том же в позднеримское время. Не будем упускать из виду, что внимание авторов, как правило, занято не техникой чтения, а какими-то чертами разнообразных жизненных ситуаций, в которые чтение входило как составной элемент. Но ведь чем косвеннее, тем надежнее историческое свидетельство. Во всех четырех примерах вполне надежно вырисовывается не только обычность чтения про себя (деловых документов в особенности), но еще и представление о большей углубленности и, по-видимому, большей скорости такого чтения. Иначе говоря, мы обнаруживаем в принципе фундаментальное тождество занимающего нас явления в культуре современной и античной.

Это не означает, что из-за усматриваемого единства в главном следует пренебречь изучением конкретно-исторических обстоятельств. Возможно, более полный и систематический обзор относящихся к этой теме текстов и доводов покажет, мы надеемся, ряд особенностей различных эпох античной жизни в отношении бытования книги и техники чтения.

³⁷ *Sept tragédies d'Euripide / Rec. par H. Weil. Paris, 1905.*

³⁸ Очень похожие некоторые русские тексты см. в кн.: Русские загадки. Л., 1908. № 4862—4865, 4878—4879, 4880.